

Ю. К. ВОРОБЬЕВ И. В. СЕДИНА

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

XVIII
век

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЕВА»

Ю. К. ВОРОБЬЕВ, И. В. СЕДИНА

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

XVIII ВЕК

МОНОГРАФИЯ

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

УДК 947:130.2:811.161.1'373.45
ББК ТЗ(2)5
В751

Рецензенты: кафедра теории и практики перевода Ставропольского государственного университета (заведующий — доктор филологических наук профессор С. В. Серебрякова); доктор филологических наук профессор С. И. Дубинин

Воробьев Ю. К.

В751 Россия и Западная Европа. Типология культурно-языковых контактов. XVIII век : монография / Ю. К. Воробьев, И. В. Седина. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. — 124 с.
ISBN 978-5-7103-1967-3

В монографии представлена некоторая система различных культурно-языковых контактов, имевших место между образованными россиянами и западноевропейцами как в России, так и в Европе на западноевропейских языках. Работа написана на стыке истории, социолингвистики и культурологии.

Для всех, кто интересуется проблемами русской культуры и межкультурной коммуникации.

УДК 947:130.2:811.161.1'373.45
ББК ТЗ(2)5

Научное издание

ВОРОБЬЕВ Юрий Константинович
СЕДИНА Ирина Васильевна

РОССИЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА.
ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ. XVIII ВЕК

Монография

*Печатается в авторской редакции
в соответствии с представленным оригинал-макетом*

Дизайн обложки *Н. Н. Анапьевой*

Подписано в печать 30.12.08. Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 7,21.
Тираж 500 экз. Заказ № 2111.

Издательство Мордовского университета
Типография Издательства Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

ISBN 978-5-7103-1967-3

© Воробьев Ю. К., Седина И. В., 2008
© Оформление. Издательство
Мордовского университета, 2008

Для настоящего русского Европа
так же дорога, как и сама Россия

(Достоевский Ф.М. Дневник
писателя)

Французский, немецкий и прочие
европейские языки нисколько
не меняют национальную структуру
души, просто облагораживают ее,
придают широту

(Кантор В.К. Феномен русского
европейца)

К типологии речевых контактов

Культурные контакты являются важнейшим ресурсом развития любой культуры. Этим и объясняется появление в последнее время новых исследований по данному вопросу. Однако культурные контакты России с Западной Европой в их истории изучены еще недостаточно. Такие направления исследований, как «Западная Европа в культурном пространстве России» и «Россия в культурном пространстве Европы», являются в исторической культурологии фундаментальными, определяющими и одновременно поглощающими практически любую частную культурологическую тему. При всем богатстве конкретных исследований по русско-европейским культурным контактам не хватает работ, совмещающих в себе на каком-либо основании два названных направления исследования. Таким основанием, по нашему мнению, может быть широкий спектр конкретных человеческих контактов, имевших место между россиянами и иностранцами как на территории России, так и в Западной Европе. Именно встречное движение двух человеческих потоков – мы в Западную Европу, а западноевропейцы к нам – дало в итоге колоссальный культуросоздающий эффект.

Образовательную и воспитательную роль Запада для России ценили и культивировали все российские монархи XVIII века. В течение века мы отправили за рубеж учиться и служить на флотах, большей частью в Англию, десятки гардемарин, но и в Россию для службы на русском флоте были приглашены сотни морских офицеров. Мы не только приглашали к себе десятками мастеров горного дела, но и отправляли учиться разным горным специальностям десятки молодых россиян. Многие сотни иностранцев отметились в России на театральном поприще, в живописи, ваянии, зодчестве,

но и мы десятками отправляли учиться разным искусствам, прежде всего выпускников Академии художеств. Взаимопроникающие культурно-языковые контакты способствовали быстрому овладению русскими учениками иностранными языками (далее ИЯ) и избранной специальностью.

Мы знаем далеко не все, что делали в Европе наши соотечественники, но еще меньше, как это ни странно, мы знаем, что и как иноземцы, в языковом отношении, делали у нас, насколько они были образованны, какова была профессиональная и общекультурная отдача от их деятельности. Мало исследованы языковая специфика разных видов профессиональной деятельности россиян за границей и у себя на родине, их речевое поведение в быту. В значительной части культурно-языковые контакты между русскими и иностранцами осуществлялись на русском языке и не только на территории России, но и в Европе. Однако объектом нашего исследования являются исключительно речевые контакты между ними на западноевропейских языках. Термины «языковые контакты» и «речевые контакты» мы употребляем в дальнейшем как абсолютные синонимы.

Предлагаемая к описанию типология отражает упорядоченную политикой власти, общественной мыслью и личными интересами систему культурно-языковых контактов, посредством которых и происходил как естественный, так и сознательно направляемый культурообмен. Мы предпринимаем попытку описать на культурологических основаниях некоторую совокупность культурно-языковых контактов на западноевропейских языках между россиянами и европейцами как в России, так и за рубежом.

В значительной степени в формах западноевропейских языков россиянами усваивались позитивные знания, переживалось эстетическое чувство, утверждалась светская мораль. Западноевропейское влияние было колоссальным, но при всей его многоаспектности оно не смогло решительно повлиять на русскую ментальность. Даже насильственное внедрение западноевропейских языков не изменило национальную структуру души, тем более что «языковому давлению» была подвержена только «верхняя» часть общества, втянутая в европейские формы интеллектуальной жизни. ИЯ стали мостиком от внешнего к внутреннему единению россиян с европейцами, к общим формам познавательной-практической и художественной деятельности, общему составу светских знаний, но не более того.

Своим исследованием мы хотим увеличить число работ, описывающих уровень образованности служивших в России иноземцев и их профессионализм. В качестве примеров назовем работы И. П. Козловского о А. Виниусе (1911), А. П. Юшкевич и Ю. Х. Копелевич о Хр. Гольдбахе (1982), Ю. С. Крючкова о С. К. Грейге (1988), И. В. Сахарова о П. К. Сухтелене (2004). В последние десятилетия появились труды С. М. Бойко, С. Р. Долговой, П. А. Кротова, А. А. Орлова, Д. А. Рославлева, С. Л. Туриловой, Г. В. Шебалдиной, А. В. Шишова, Э. У. Кросса, С. П. Орленко и многих других, претендующих в разной степени на широкие обобщения культурно-исторической роли иностранцев в России. Наша работа

является логическим продолжением исследования Ю. К. Воробьева и И. В. Сединой «Западноевропейские языки в русской культуре XVIII века», в которой систематизированы, прежде всего, прямые факты видов использования образованными россиянами и иностранцами ИЯ в России. Мы делаем попытку использовать факты многочисленных, практически необозримых контактов россиян с иностранцами в России и за рубежом, как новый и не всегда прямой источник по вопросу о степени владения россиянами ИЯ, о частотности их использования в контактах с иностранцами и между собой. Даже косвенные факты, взятые в совокупности, способны относительно объективно представить речевые контакты ушедшей в небытие эпохи. Факты владения иноземцами русским языком так или иначе присутствуют в работе, но они представляют для нас периферийный интерес.

Для образованных россиян и европейцев XVIII век был временем совместно переживаемого опыта общения. Большое количество иностранцев разных специальностей, трудившихся в России, их постоянное пополнение и даже ротация приводили к тому, что в быту, в науке, в образовании, в армии, особенно в гвардейских частях, в системе развлечений иноязычная речь с разной степенью интенсивности и периодичности или дополняла русскую речь, или сопровождала ее, или даже заменяла. В основе профессиональной и бытовой жизни в России любого иноземца лежал прежде всего его языковой ресурс. Статский советник и «Монетной канцелярии главный судия» Иоганн Вильгельм (Иван Андреевич) Шлаттер (1708–1768) был вывезен отцом из Швейцарии в Россию, когда ему было 11 лет [50, с. 159]. Это значит, что, вступив во взрослую жизнь, Шлаттер абсолютно свободно владел русским, немецким и французским языками. Двумя последними он владел, во-первых, как уроженец Швейцарии, и, во-вторых, именно эти два языка были обязательными учебными предметами практически в любой престижной образовательной программе в России. Соответственно и россияне, изучив в определенной степени ИЯ в России, ехали в Европу их совершенствовать и овладевать профессией.

Роль иностранцев в России часто определялась научно-политическими пристрастиями исследователей. Оценки были самыми разными, в том числе противоположными. Значительное количество работ было написано с позиций гипертрофированного патриотизма. Главное размежевание исследователей, как считает В.А.Ковригина, шло по их отношению к иностранцам в рамках вопроса о закономерном или насильственном характере «европеизации» России, начатой Петром [106, с. 7]. Сильна была и националистическая точка зрения, согласно которой, «какой инициативы и энтузиазма можно ожидать от наемника-иностранца?» [133, с. 178]. Иностранцы, находившиеся на русской службе, особенно те, кто составлял ближайшее окружение русских императоров и императриц, в подавляющем большинстве случаев были мишенью для критики, своеобразным громоотводом для оппозиционно настроенной к власти части российского общества.

Вероятно, именно в XVIII веке процент служивших и проживавших в России иностранцев по отношению ко всему населению России был максимальным, соответственно максимальным было и количество культурно-языковых контактов иностранцев с россиянами. В статье о Витусе Беринге (1681–1741) автор Н. Охотина-Линд следующим образом характеризует письма известного датчанина: «Они освещают и особый культурный пласт русской истории – это среда иностранцев на российской службе, их специфический мир, соединяющий в себе две культуры, российскую и западноевропейскую. Их семьи были, как правило, тесно между собой связаны, и если в каждодневной жизни, особенно на службе, они вращались в российской культурной среде, то в частной жизни они представляли собой островок немецкоязычной культуры» [там же, с. 179–180]. Культурное влияние этих «островков», в деятельность которых были вовлечены и россияне, и является, в его языковой, прежде всего, части, предметом нашего исследования.

Пространственная близость людей, принадлежащих даже к разным культурам, является неким гарантом устойчивой коммуникации между ними. В процессе инкультурации любой человек сознательно или вынужденно усваивает правила и нормы поведения, культурные ценности общества, в которое он волей судьбы попадает. Участие в обмене социально-значимой информацией есть неотъемлемая социально-психологическая потребность человека, заставляющая его постоянно создавать условия для различных видов общения. Социально обусловленная обязанность человека контактировать с окружающими осуществляется в рамках систематически или периодически функционирующих речевых коллективов. Из теории речи известно, что диалогическая речь «предполагает соединение людей в формальные и неформальные коллективы, определенный отказ от внутреннего самоопределения и отдельности. Пространственная организация диалога переходит во временную» [146, с. 237]. Каждый коллектив создает свою идеологию, свое духовное отношение к работе и ее результатам [145, с. 232].

Профессионализм и духовность в деятельность «своих» речевых коллективов вносили и трудившиеся в них иностранные специалисты. Они составляли часть семейных, научных, учебных, управленческих, артистических коллективов. Иностранные диаспоры в России, подчеркивает Б.А.Старостин, никогда не стремились к полной обособленности, они жили в едином экономическом и культурном ритме со страной [171, с. 18]. Предлагаемый культурологический подход к описанию речевых процессов как бы стирает упомянутые выше антагонистические оценки деятельности иностранцев в России, вернее уводит их на второй план, выдвигая на первый план широкий спектр вопросов, связанных с собственно иноязычной общественно-языковой практикой и ее культурным наполнением.

С точки зрения лингвокультурологии общественные отношения это, прежде всего, речевые отношения. Каждая историческая эпоха выдвигает свое

понимание общественных ценностей. Видоизменяется и состав языков, которым эта ценность приписывается. Вначале насильственное, а позднее естественное, подстегиваемое уже культурной традицией движение российского общественного сознания к западноевропейским ценностям стало мощной мотивацией к изучению ИЯ с целью их практического использования. Необходимость описывать культурно-речевые контакты выводит исследователя на описание таких категорий речевого акта как говорящий и слушающий, то есть на участников речевого общения. Одной из теоретических посылок нашего исследования является культурологический речевой акт, отличающийся от лингвистического и риторического.

Типы речевых актов

1. Лингвистический

говорящий	РЕЧЬ	слушающий
-----------	-------------	-----------

2. Риторический

Говорящий	РЕЧЬ	Слушающий
-----------	-------------	-----------

3. Культурологический

Говорящий	речь	Слушающий
-----------	------	-----------

В лингвистическом речевом акте центральной категорией является речь, извлекая из которой только общее, исследователь формирует предмет исследования — язык как систему знаков. При риторическом подходе к речевому акту предметом изучения становятся все три его составляющие. Участники речевого акта также важны, как и само речевое сообщение, что отражено в структуре предмета риторики, куда входят теория монолога и теория диалога. При культурологическом подходе к изучению речевого акта «в тень» может уйти речевое сообщение, тогда на первый план выходят категории «говорящий» и «слушающий», персонифицированный социальный, профессиональный и должностной статус которых становится для исторической культурологии и исторической персонологии центральным. Именно этими принципами определяется содержание предлагаемых к анализу исторических фактов.

Наше исследование ведется в русле такой междисциплинарной области знания, как социолингвистика и социология языка, что позволяет совмещать различные методы исследований. Известно, что социология языка подразделяется на дескриптивную социологию и динамическую социологию. Первая изучает участников речевых актов, цели общения, использование

устных или письменных форм того или иного языка, вторая отвечает на вопрос, почему и каким образом изменяется социальная организация речевого общения. Описывается динамика языковых ситуаций в различных сферах общественной и частной жизни.

Ретроспективное изучение культурно-языковых контактов с необходимостью выводит на их культурологические классификации. Мы ставим перед собой следующие задачи: продолжить систематизацию тех сфер общественной деятельности, где культивирование западноевропейских языков являлось нормой; дать некоторую первоначальную типологию речевых коллективов, в которых реализовывалась и совершенствовалась иноязычная подготовка россиянина, демонстрировалась его общая и частная эрудиция, шло его формирование как языковой личности. Наша работа является попыткой социокультурного описания использования ИЯ как отдельными людьми, так и речевыми коллективами. На периферии нашего интереса находится вопрос о степени литературности иноязычной речи. Мы фиксировали все значимые для нас упоминания о жанровых формах манифестации ИЯ.

Выбор подлежащих описанию речевых контактов осуществлялся не по факту их бытования, а по культурной значимости в российской общественно-языковой практике. По этому признаку мы исключили из описания тему «Путешествия иностранцев по России». И наоборот, тема «Западноевропейские языки в русской армии» оказалась настолько богатой фактическим материалом, что мы решили выделить ее в отдельное исследование.

В описании практически любого культурно-языкового контакта, связанного с деятельностью иностранца в России, главное внимание традиционно уделяется первому лицу, например, тому, кому было поручено то или иное дело. Наш «речевой» подход к описанию какого-либо события предполагает учет по возможности всех имеющих к нему отношение лиц. В 1786 году в Россию для налаживания производства новых пушек (карронад) и постройки завода для их отливки прибыл президент Карронской компании шотландец Чарльз Гаскойн. Он был приглашен по рекомендации адмирала русской службы шотландца Грейга. Гаскойн прибыл не один, а в сопровождении 12 специалистов: гидротехников, механиков, металлургов. Строил завод инженер-полковник Матвей Леман [113, с. 53]. В конце века Гаскойн жил в Петрозаводске вместе с дочерьми Марией и Анной [187, с. 290]. Умер Гаскойн в России в 1807 году. И группа инженеров, и семья Гаскойна представляли собой ядро англоговорящей этнической группы, что позволяет интерпретировать их пребывание в России как сложный по использованному этой группой языкам лингвокультурный факт. Говоря о роли иностранцев в истории русской культуры, историки и культурологи обычно отмечают тех из них, кто оставил самый заметный след в своей сфере деятельности. К примеру, из трех итальянских архитекторов, трудившихся в Петербурге при Петре I: Трезини, Микетти и Киавери самый большой след в

архитектурном облике города оставил первый из них [85, с. 101]. Нас, в первую очередь, интересует «теневая» и относительно общая сторона жизни всех троих: частота и формы использования ими родного и других европейских языков, виды участия в культурно-языковых контактах, как членов семей иностранных специалистов, так и россиян, окружавших иностранцев на рабочих местах, в быту и т.д. Другой пример. Вместе с известнейшим профессором Петербургской академии наук Леонардом Эйлером (1707–1783) в России жили и умерли три его сына: Иоганн-Альбрехт (1734–1800), Карл (1740–1790) и Христофор (1743–1812). Последний дослужился до чина генерал-майора и был начальником оружейного завода в Сестрорецке. Граф Д.П.Бутурлин (1763–1829) имел трех дочерей, вышедших замуж за итальянских аристократов: Елена – за ломбардского князя Видонья-Сореджиано, Елизавета – за пьемонтского маркиза Соммарива, Мария – за флорентийского графа Диньи [60, с. 252]. Учет не только первых лиц, но и их окружения, родственников и коллег резко увеличивает подлежащий описанию совокупный объем произведенного и потребленного ими «речевого продукта». Представляется важным описать коммуникативное пространство подобных речевых коллективов, профессионально-языковой статус коммуникантов и собственно культурно-языковые контакты.

В работе мы используем такие понятия как коммуникативное пространство, культурно-речевой контакт, речевой коллектив, речевая нагрузка, языковая и риторическая компетентность, многоязычие, выбор языка, языковая ситуация, формальные и неформальные контакты между коллективами и отдельными личностями на ИЯ, община, землячество. Под речевым коллективом понимается группа людей, объединенных общим профессиональным, образовательным, сословным, семейным, национальным, ситуативным интересом и реализующая этот интерес, в универсальной речевой форме.

Возникает вопрос о возможных культурологических описаниях речевых коллективов. Понятие речевой коллектив органично вписывается в теорию межкультурной коммуникации. В современной коммуникативистике выделяются следующие формы коммуникаций: *межличностная, внутригрупповая, массовая и межкультурная* [155, с. 91]. Три из них, исключая, вероятно, массовую, характеризуют, хотя и в разной степени, жизнь и деятельность иностранцев в России и россиян за рубежом в исследуемый нами период. *Межличностная* коммуникация предполагает непосредственное общение россиян с иностранцами, когда общающиеся находятся в пространственной близости и имеют возможность осуществлять обратную связь [там же, с. 91]. И, наконец, *межкультурная* коммуникация «не ограничивается только знаниями иностранных языков... при непосредственном общении представители разных культур стоят перед необходимостью преодоления не только языковых различий, но и различий социокультурного и этнического характера» [там же, с. 95]. Типология

речевых коллективов органично увязывается и с разрабатываемой в последнее время проблемой повседневности как культурного феномена.

Дадим некоторую типологию интересующих нас речевых коллективов, на которую в дальнейшем можно проецировать остальной фактический материал. Речевые коллективы можно делить по: 1) *способам бытования людей* (семейный, профессиональный); 2) *интересам* (салон, литературный кружок, масонская ложа); 3) *национально-языковому признаку* (гостевой визит). Центральным в любом человеческом сообществе является семейный речевой коллектив. С 1717 года в Петербурге трудился французский художник Пильман, расписывавший плафоны в Монплеzure (Петергоф). Приехал он с женой и учеником Морелем [85, с. 94]. Пильман с женой являл собой *семейный* речевой коллектив, Пильман с Морелем – *профессиональный*, а все трое – еще и *национальный* речевой коллектив. Каждый из них в свою очередь был участником других типичных или случайных речевых ситуаций, где в общении использовался французский язык. В эту «речевую воронку» втягивались, разумеется, в разной степени, русские и иностранные архитекторы, государственные служащие, переводчики, соседи-иностранцы, соседи-русские.

Семейный речевой коллектив мог функционировать и в экзотических, генетически не свойственных ему условиях. В 1788 году на службу в русский военный флот в чине лейтенанта был принят шотландец Робин Кроун (1753–1841). В 1790 он уже капитан I ранга, в 1799 – контр-адмирал, в 1804 – вице-адмирал. Жена Кроуна Марта служила вместе с мужем на военных судах сестрой милосердия и была удостоена ордена Святой Екатерины [112, с. 232–233]. Жена контр-адмирала С. Грейга Сара также периодически сопровождала своего мужа в боевых походах [там же, с. 213]. К систематическому общению супругов между собой на родном языке могли свободно присоединяться русские морские офицеры, для которых английский язык, в силу специфики флотской службы, был не менее важен, чем универсальный французский язык.

Родственные связи между иностранцами, обеспечивавшие речемыслительную деятельность на родных для них языках на неродной территории, представляли собой все возможные комбинации: «муж – жена», «муж – жена – ребенок», «братья», «сестры», «брат – сестра», включая родственников со стороны жены или мужа. В 1783 году капитан Н. С. Мордвинов вернулся в Россию из Ливорно вместе с женой англичанкой Генриэттой Кобли. С ними приехал один из братьев Генриэтты Томас, горевший желанием служить в русской армии. Он отличился при взятии Очакова, стал генералом и губернатором Одессы [111, с. 182].

Внутри моноэтнической группы иностранцев речевой коллектив мог формироваться по сословным или профессиональным принципам. 26 сентября 1742 года адъютант Петербургской академии наук М. Ломоносов нарушил покой одной компании, в которую входили: садовник Петербургской академии наук Иоганн Штурм, лекарь Ингерманландского

полка Брашке, канцелярист камер-конторы Лифляндских и Эстляндских дел Иоганн Донарт, бухгалтер академической книжной лавки Прейсер, отец жены Иоганна Штурма, переводчик камер-конторы Иоганн Грове [139, с. 294–295]. Только благодаря составленному протоколу для истории оказался зафиксированным речевой коллектив, объединенный не профессиональным, а именно *национальным и сословным* интересом, собиравшийся, по-видимому, неоднократно и культивировавший свой родной язык.

Некоторые иноязычные речевые коллективы складывались на основе пространственной близости их участников. Людей объединяло единое место проживания: общий дом или общая квартира. В декабре 1748 года при аресте лейб-медика И. Г. Лестока, помимо русской прислуги, были задержаны его секретарь капитан Ингерманландского пехотного полка А. Шапизо, двое дворецких – Иван Шрейдер и Иван Вендорф, камердинер Яган Готлиб Фидлер, кухмистер Фридрих Любецкой, лакей Христиан Бренк и кухмистерский ученик Антон Фохт [там же, с. 360–361]. Данный речевой коллектив был объединен не столько по национальному признаку (тут были и швед и племянник Лестока француз Шапизо, хотя доминировали немцы), сколько по признаку единого места службы.

Речевой коллектив определяется как общим пространством, так и содержательной стороной его функционирования. Весной 1749 года в Санкт-Петербургскую полицию обратился иноземец Яган Шульц с прошением разрешить ему 15 мая устроить вечеринку в доме портного мастера Кригера. В прошении говорилось, что у него соберется честная компания и будет музыка [там же, с. 412]. Зимой 1750 года в этом же доме отпраздновали именины дочерей придворного музыканта Шварца и некой мадам Шокман [там же, с. 414].

Следует обновить наши представления о типологическом разнообразии участников семейных речевых коллективов, использовавших в ежедневном бытовом общении ИЯ. Наши традиционные знания по этому вопросу основаны на фактически усеченном и идеологически заданном еще дореволюционной наукой материале. Упор в изучении неразрывной речевой пары «гувернер-ученик» часто делался на том, что в моральном плане представлял собой гувернер. Часто подчеркивались именно «подрывные» аспекты его воспитательной работы. В противовес такому подходу исследователи начали, наконец-то, концентрировать свое внимание на позитивно-конструктивных аспектах профессионально-бытовой деятельности гувернеров, секретарей, компаньонов и другого иноязычного персонала, обслуживавшего семью русского аристократа.

При определении национальности иностранцев ориентация только на фамилии, без учета формулярных списков и других источников, чревата ошибками. По фамилиям часто трудно различить датчан, немцев, голландцев шведов, тем более, невозможно судить о степени их ассимиляции. Впрочем, и русская фамилия может ввести в заблуждение. Известный дипломат И. М. Симолин (1720–1799) родился в немецкой дворянской семье. Его отец

был пастором в Або, затем в Ревеле. Разумеется, языками его общения с гувернерами были, прежде всего, немецкий и французский.

В 1772 году генерал-интендант русской службы англичанин Чарльз Ноульс был послан Екатериной II на юг для создания боеспособной Дунайской флотилии. Его сопровождали голландец Кингсберген, три английских лейтенанта: Джон Уилкинс, Томас Лоуренс, Джордж Арнольд, английский кораблестроитель Уильям Оксенгам и в качестве переводчика внебрачный сын графа И.Чернышева Григорий Муловский, с которым Ноульс познакомился в Англии [112, с. 211]. Здесь мы имеем пример практически мононационального речевого коллектива, обязанного решить в течение нескольких месяцев конкретную практическую задачу на неродной для себя территории.

Для нас принципиально важной является следующая установка теории межкультурной коммуникации. При взаимодействии лиц и групп, имеющих этноязыковые различия, наблюдаются две тенденции: «С одной стороны, происходит взаимное усвоение достижений другой культуры... имеет место взаимный обмен и обогащение культур. С другой стороны, межкультурная коммуникация сопровождается усилением этнического самосознания, стремлением к сохранению и защите этнических особенностей народа» [155, с. 96]. Известно, что экстерриториальная общность людей не может сколько-нибудь долго сохранять свои этнические свойства. Распыленная в иноязычной среде она постепенно растворяется в ней. С другой стороны систематическая «подпитка» иностранных землячеств в России из-за рубежа естественным образом поддерживала общение внутри этих коллективов на родном языке, замедляя ассимиляцию. Ассимиляция искусственно замедлялась также и тем, что уже второе поколение иноземцев старалось входить в систематические контакты с вновь прибывавшими соотечественниками. Дочь адмирала С.Грейга, оставшаяся в России вместе с матерью после смерти отца (1788), общалась с семьей английского доктора Холлидея, купившего в 1803 году дом в Москве [12, с. 242, 273]. Необходимо было общаться с британцами, чтобы чувствовать и называть себя британцем. Таким образом, вызванная объективными причинами постепенная утрата иноземцами культурно-этнического чувства компенсировалась субъективным фактором – пониманием иноземцами востребованности их языков (в первую очередь немецкого и французского) в культурном пространстве России. Эта тенденция была отличительной чертой российской общественно-речевой практики в течение всего XVIII века.

Уже к середине века насущной потребностью русской интеллигенции стала разнообразная умственная жизнь. Жажда просвещения требовала новой духовной пищи. Первым широким течением русской общественной мысли стало масонство. Религиозно-нравственное содержание масонского учения выражало созревшие потребности национального сознания. Фактами последнего были: постижение движений человеческой души, мистическая набожность и практически полная лояльность к власти.

Иностранцы сыграли значительную роль в учреждении масонских лож в самой России. В 1731 году первым мастером «для всей России» был назначен капитан Джон Филипс. В 1740 году новым гроссмейстером для России стал генерал русской службы Джеймс Кейт. Масонские ложи и их филиалы действовали в Москве, Петербурге, Казани, Рязани, Перми, Кашире, Риге, Ревеле и других городах. В 80-х годах в России было четыре матери-ложи: 1) Трех Знамен, под руководством П. А. Татищева; 2) Озирис, под начальством Н. Н. Трубецкого; 3) Латоны, под начальством Н. Н. Новикова; 4) Сфинкс во главе с Г. П. Гагариным [104, с. 197]. Нам интересен языковой аспект их деятельности. Московская ложа Трех Знамен изначально состояла почти исключительно из немцев и работала на немецком, изредка на французском языке. На первом заседании ложи 21 сентября 1779 года учредительная грамота (конституционный патент) на начало деятельности от герцога Фердинанда Брауншвейгского была прочитана в присутствии 11 человек на немецком языке, и вторично озвучена на французском [там же, с. 203]. 9 октября этого же года в ложу были приняты братья немцы Уотгоф на немецком языке, а также Руле и Фавр – на французском языке. Иоаганн Уотгоф стал библиотекарем, а Бернгард Уотгоф – казначеем ложи [там же, с. 248–249]. 23 октября траурные речи говорили наместный мастер Рюккерт на немецком языке и Фавр – на французском [там же, с. 204]. Назовем других немцев членов этой ложи: профессор университетского благородного пансиона, будущий ректор Московского университета выходец из Брауншвейга И.- А. Гейм (1759 – 1821), автор популярных учебников немец И.- Ф. Вегелин, гувернер в доме графа Орлова И. И. Шварц, доктор медицины, заведующий бесплатной аптекой И. И. Френкель, премьер-майор Петер (Петр) Фрелих, Я.-М.-Р. Ленц, поручик 69-го Рязанского полка будущий президент ливонского обер-гоф-герихта Георг (Егор) фон Гине [там же, с. 247–323].

Следует упомянуть и открытые *кружки по интересам*, включавшие россиян, которые собирались в домах, находившихся на русской службе иностранцев, а также кружки в домах русских, систематически принимавших иностранцев. Дома иностранцев Немецкой слободы стали для молодого царя Петра I и его ближайшего окружения школой европейского общежития, где иностранная речь звучала не меньше русской. Иностранная речь (голландская, немецкая, французская, английская) постепенно становилась для царского окружения не только в Немецкой слободе, но и при Дворе естественной звуковой средой обитания. Так, в частности, создавался единый для россиян и иностранцев культурный ритм жизни. Посетивший в начале века новую русскую столицу норвежский пастор С.-Д. Геркенс записал: «Среди других ассамблей... в С.-Петербурге охотно собирались также... у одного шведа [повара Петра I], где каждую пятницу при желании сходились знатнейшие господа и офицеры, русские и немцы» [6, с.67]. Пастор обратил внимание на частотность сходов и на отсутствие принудительности для участия в них. Венесуэлец Франсиско де Миранда ужинал 24 июля 1787 года